

Глава 3

Рана на ноге Ло Хуая снова открылась. Чу Сюнь, мельком взглянув на сочившуюся кровь, без лишних слов слегка надавил и подхватил юношу на руки.

Поначалу он намеревался просто закинуть мальчишку на плечо, но тот оказался пугающе худым — парень буквально утонул в его объятиях. В итоге Чистильщику пришлось нести его перед собой одной рукой, словно в стиле «принцессы».

Ло Хуай внезапно оказался в кольце чужого тепла. Он неосознанно потерся щекой о грудь Чу Сюня, вслушиваясь в сильное, размеренное сердцебиение, и мертвой хваткой вцепился в его воротник, боясь отпустить.

Чу Сюнь опустил взгляд на дрожащие пальцы, впившиеся в ткань у самой шеи.

— Отпусти, — ровным голосом произнес он.

Рука Ло Хуая, на которой от напряжения проступили вены, на мгновение застыла, но он не шелохнулся.

— Я не вижу твоих глаз. — Чу Сюнь раздраженно цыкнул, добавляя это пояснение с явным нетерпением.

Только тогда Ло Хуай медленно разжал пальцы и позволил руке бессильно упасть вдоль тела.

Приступ снежной слепоты усиливался. Резкая боль в глазах становилась невыносимой, веки и конъюнктивы опухли и налились кровью. Страдая от непереносимости света, юноша, не проронив ни слова, уткнулся лицом в грудь Чистильщика, пока из его воспаленных глаз непрерывным потоком катились слезы.

Вид у него был по-настоящему жалкий.

Словно желая облегчить Чу Сюню осмотр, Ло Хуай изо всех сил старался повернуть лицо к нему и даже слегка приподнял подбородок, подставляя себя под чужой взгляд. Сейчас он стал на редкость послушным.

Чу Сюню всё стало ясно: с такой степенью поражения юноша вряд ли поправится сам — нужны противовоспалительные и обезболивающие.

— Ладно, — лениво отозвался он. — Можешь прятаться обратно.

Ло Хуай промолчал. Вдыхая манящий аромат рома, исходивший от воротника мужчины, он весь сжался, напоминая брошенного в снегах зверька, который отчаянно пытается согреться.

Они долго хранили молчание. Лишь спустя время Чу Сюнь почувствовал, как намокшая от слез ткань его куртки натянулась — Ло Хуай робко потянул его за одежду.

— Это ты? — едва слышно прошептал юноша.

Пусть он ничего не видел, а голос мужчины в завывании метели звучал иначе, Ло Хуай был твердо уверен: человек, несущий его сейчас, — тот самый, кто спас его ранее. Он задал этот вопрос почти наугад, не особо рассчитывая на ответ.

В ответ раздался тихий смешок.

— Нет, — небрежно бросил Чу Сюнь, словно шутя.

Получив желаемое подтверждение, юноша окончательно расслабился.

«Значит, точно он...» — подумал Ло Хуай.

Окажись на его месте незнакомец, он бы непременно спросил: «О ком ты?»

Долгая дорога и невыносимые муки — как физические, так и душевные — наконец истощили его силы. Почувствовав себя в безопасности, Ло Хуай погрузился в редкий, мирный сон.

Чу Сюнь посмотрел на него и, покачав головой, насмешливо пробормотал:

— Спит как дурак.

Система 059 предупредила его:

[Не допускайте возникновения лишних связей с главным героем вне рамок сюжета.
Пожалуйста, помните об этом, Носитель]

— Я же сказал: это не я, — лениво отозвался Чу Сюнь. — Я просто случайный прохожий, добрый самаритянин. Он меня не знает, так в чем проблема?

Система 059 лишь тяжело вздохнула.

***

Чу Сюнь ударом ноги распахнул дверь старого кирпичного дома. Внутри было ненамного теплее, чем на улице, но стены хотя бы защищали от ветра и снега.

Он опустил Ло Хуая на деревянный стул. Подросток, вырванный из сна, на мгновение замер, но затем послушно разжал руки. Чистильщик замер перед ним, возвышаясь темной фигурой. Неторопливым движением он застегнул распахнутый воротник куртки юноши и произнес низким, нарочито равнодушным голосом:

— Сиди здесь и не рыпайся.

Несмотря на приказной тон, в его словах промелькнуло нечто пугающе мягкое. Ло Хуай кивнул, невольно подумав о том, какой странный у этого человека выговор. В его речи не было акцента какого-то конкретного округа или сухой правильности официального диалекта Альянса — это была его собственная, уникальная манера речи, в которой за каждым словом чудилась затаенная усмешка.

И голос у него был... удивительно приятным.

Чу Сюнь замолчал, и вскоре Ло Хуай услышал лишь тихий скрип закрывшейся двери. В список своих наблюдений он добавил еще одно: этот человек передвигается совершенно бесшумно. Очевидно, он был куда опаснее, чем казалось на первый взгляд.

Впрочем, Ло Хуаю уже было нечего опасаться. У него не осталось ничего, кроме собственной жизни, а этот таинственный незнакомец спас его уже дважды. Превозмогая резь в глазах, он просто обхватил колени руками и уткнулся в них подбородком — инстинктивная поза, дарившая призрачное чувство защищенности.

Его мир погрузился в абсолютную тьму. Вокруг не было ни звука. Теперь он понимал, почему лишение чувств считается одной из самых страшных пыток. В пустоте, где нет внешних стимулов, сознание оказывается запертым в тесной клетке, из которой невозможно сбежать.

Ло Хуай потерял счет времени. Чтобы не сойти с ума от боли и тревоги, он заставлял себя прислушиваться к биению собственного сердца. Это помогало хоть как-то измерять часы ожидания. Прошло три часа, а может, гораздо больше. Ожидание стало настолько мучительным, что юноша в нервном напряжении начал до крови впиваться ногтями в собственные ладони.

Но он не сдавался. Ло Хуай считал себя счастливым, ведь он точно знал: за ним вернуться. Ему велели ждать. Значит, нужно просто ждать.

Он поправил затекшие ноги и приготовился к новому кругу томительного безмолвия. К счастью, на этот раз ждать пришлось недолго. До его слуха донеслись уверенные шаги и звук открываемой двери.

Услышав этот звук, Ло Хуай, словно утопающий, которого наконец вытянули из морской пучины, невольно задышал чаще. Он уже хотел что-то сказать, но внезапно резкая боль в сознании заставила его насторожиться.

Он вспомнил: тот человек ходил бесшумно.

Кто же тогда вошел в комнату?

Будучи ослепленным, он не мог отличить друга от врага. Однако Ло Хуай сохранил самообладание. С непроницаемым лицом он медленно запустил руку за пазуху и сжал рукоять Беретты, успевшей согреться от тепла его тела.

Щелчок предохранителя прозвучал в тишине комнаты подобно раскату грома. Ло Хуай мгновенно выхватил пистолет, палец лег на спуск. Он был готов разрядить всю обойму в ту сторону, откуда шел звук. Юноша надеялся лишь на одно: что его пули достигнут цели раньше, чем противник успеет нанести ответный удар.

Но пришелец оказался быстрее.

В тот миг, когда Ло Хуай готов был нажать на курок, чья-то рука перехватила его запястье. Чистильщик, словно не прилагая усилий, ловко просунул свои пальцы в ладонь юноши, разжимая его хватку, и с легкостью отобрал оружие. В ту же секунду к щеке Ло Хуая прижалось нечто обжигающе горячее. От неожиданности он вздрогнул.

Чу Сюнь коротко рассмеялся.

— Реакция ни к черту... но хотя бы не совсем тупица. Пей кофе, молодой господин.

Стоило Ло Хуаю услышать этот голос, как всё его напряжение мгновенно улетучилось. Он затих, словно кот, которого погладили по шерстке. Спина, напряженная струной, расслабилась, и он осторожно потянулся к металлической банке у своего лица...

Но его пальцы случайно коснулись холодных и длинных пальцев Чу Сюня. Ло Хуай вздрогнул и замер, не зная, как реагировать. Чистильщик, теряя терпение, сам вложил банку ему в руки и со щелчком открыл кольцо.

Ло Хуай сделал первый глоток. Обжигающая жидкость пролилась в горло, мгновенно согревая промерзшее тело, а кофеин заставил сердце биться чаще. Сейчас этот напиток казался ему дороже всех сокровищ мира. Он пил жадно, короткими глотками, но при этом старался сохранять манеры.

Спустя мгновение в горьком вкусе черного кофе он почувствовал соль. Ло Хуай замер в недоумении и поднял голову, прежде чем осознал: из его глаз, воспаленных от болезни, теперь

беззвучно и обильно катятся настоящие слезы.

Чу Сюнь тем временем достал зажигалку и поджег сухие дрова, которые прихватил по пути. Вскоре пламя в камине разгорелось, и комнату наполнило живое тепло. Заметив, как крупные слезы Ло Хуая падают прямо в банку с кофе, он отобрал напиток и поставил его на край стола.

— Еще и плачешь в него. И не противно тебе? — сухо бросил он.

Ло Хуай лишь спустя долгое время покачал головой. Его голос был тихим, но твердым:

— Не противно...

«Совсем не противно...»

Он не плакал, когда его похитили незнакомцы. Он позволил себе лишь одну слезу, когда осознал, что спасен. Он не плакал, когда в одиночку брел сквозь снежную бурю на раненой ноге. Лишь сейчас, сидя в тепле и сжимая в руках горячий кофе, Ло Хуай почувствовал, что наконец-то имеет право на слабость.

Слезы были привилегией, и только теперь он решил выплеснуть накопленную боль.

Чу Сюнь нахмурился, глядя на него.

— Ладно, раз так больно, давай мазать.

Он решил, что юноша плачет от рези в глазах. Вытащив из кармана тюбик с мазью, Чу Сюнь присел перед ним на корточки. Сначала он хотел, чтобы мальчишка справился сам, но, глядя на его состояние, понял — это бесполезно. Выдавлив немного средства на палец, Чистильщик обхватил подбородок Ло Хуая и слегка надавил большим пальцем, вынуждая его поднять лицо.

Затем его пальцы осторожно коснулись припухших век юноши.

По сравнению с пылающей кожей, подушечки пальцев Чу Сюня казались ледяными. Пока он аккуратно распределял мазь, Ло Хуай отчетливо ощущал каждое движение его рук, скользивших по нежной коже.

Спустя минуту мужчина отстранился, но перед этим мимолетно коснулся уголка глаза Ло Хуая. При свете камина он внимательно рассматривал лицо черноволосого юноши и, по своему обыкновению, произнес с легкой издевкой:

— Не плачь, а то станешь некрасивым.

Он сказал это без тени серьезности, просто вложил тубик в руку Ло Хуая и слегка похлопал его по щеке — своего рода похвала за то, что тот не мешал ему проявлять эту небывалую заботу, случавшуюся раз в столетие. О чем в этот момент подумал Ло Хуай, Чу Сюня совершенно не волновало.

Чистильщик подтянул к себе высокий табурет и уселся перед камином, тщательно вытирая руки чистой ветошью. В этот момент Система 059 снова подала голос:

[Вы всё-таки можете быть хорошим человеком, не так ли? По крайней мере, сейчас вы позаботились о Ло Хуае]

Чу Сюнь скривился:

— Какая гадость.

Он прислушивался к системе только потому, что у него были на то свои причины. Впрочем, Ло Хуай раздражал его куда меньше всего остального в этом мире. Во-первых, он был послушным: велели ждать — сидел и ждал. Во-вторых, не шумел, даже плакал беззвучно. Говорят, в подростковом возрасте дети невыносимы, но этот мальчишка больше напоминал тихого котенка или щенка.

Взгляд Чистильщика скользнул по замершему юноше. В голове мужчины мгновенно пронеслось не меньше десятка способов убить его за секунду... но он ничего не предпринял. Всё-таки это был первый человек, которого он спас за многие сотни лет.

В тишине комнаты раздался робкий голос Ло Хуая. Он нерешительно спросил:

— Могу я узнать твое имя?

Чу Сюнь выдержал паузу и неспешно ответил:

— К сожалению, нет. Мы больше не увидимся, так что в этом нет нужды.

<http://bllate.org/book/15843/1427915>